

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

ДВА ГОДА назад Олег Табаков рассказывал о создаваемой им детской театральной студии.

— Наберем восьмиклассников, будем их учить актерскому мастерству. И, кроме того, пригласим лучших поэтов, критиков, ученых, художников — познакомя их с высшим уровнем искусства и мышления.

Предполагалось воспитать таким образом группу молодых актеров, новое поколение «Современника». Табаков был очень увлечен этой идеей и рассказывал о ней со всем пылом энтузиаста.

Сейчас он говорит не менее серьезно, но осторожно и тщательно подбирая слова.

— Сначала были разговоры о том, что время идет, надо что-то делать — словом, все, что говорится в подобных случаях. Потом начали слушать и смотреть московских детей — отличных восьмиклассников. Просмотрели несколько тысяч. В результате всех этих конкурсных усилий было набрано сорок семь человек. Сейчас осталось девять. Группа молодых актеров и режиссеров нашего театра закончилась с ними актерским мастерством, другие педагоги — артистичнее, талантливей. Помог Бауманский район, нам предоставили помещения в Бауманском Дворце пионеров.

Эти девяттеро станут основой курса, который я наберу в этом году в ГИТИС и который вместе с всемоим моими товарищами по студии буду учить. Через три года у нас должны быть спектакли — так, во всяком случае, мы планируем и мечтаем — и в этих спектаклях будут участвовать не только наши ученики, но и мы, их педагоги.

— Значит, в проекте, в идеале не попадание «Современника», а новый театр?

— Да.
— Ну вот, — подумал я про себя, — прошло почти двадцать лет, забыл, наверное, человек, как трудно рождался «Современник», и очертя голову снова вознамерилась пройтись через все это... А вслух спросил: «Почему в процессе осуществления идеи так изменилась конечная цель?»

— Мы (кроме меня, с ребятами занимались В. Фокин, И. Райкин, А. Леонтьев, В. Поглазов, С. Сазонкин, А. Дроздин и другие) попытались, как теперь говорят, «остановиться оглянувшись». Оценить сегодняшнюю практику нашего театра, пристрастия — художественные и иные — большинство его группы. Всякий театр — живой организм, развивающийся по своим законам, причем на определенном этапе это развитие возникает несогласие дела и деклараций. Естественно, я отношу это и к себе. Потому необходимость искать какую-то новую тропинку становится еще более насущной.

Что ж, стабилизация — слово, по моему, точное, хотя, на взгляд Табакова, малюпное мягкое. В последние пятнадцать лет мне приходилось наблюдать развитие нескольких молодых театров — за периодом «бури и натиска», как правило, следует период стабилизации, во время которого театр чаще всего, правда, по разным внешним причинам, покидают его основатели. Это естественный, органический процесс — можно, конечно, посожалеть о бывшем, однако сожаления вряд ли что-нибудь изменят. Новый театр, новое дело — оно ведь отнюдь не гарантирует возрождения, нельзя быть умеряемым в успехе, по бывает такое время, когда неуверенность и сомнения предпочтительнее запланированных удач.

Весьма существенно то, что проект этот предполагает активное, пожалуй, определяющее участие в новом деле нового поколения актеров: если основателей «Современника» считать «отцами», то нынешние десятиклассники, которые осенью станут первокурсниками, — «дети». Можно, конечно, отделаться выразением из лексикона спортивных комментаторов: «сплав молодости и опыта», но хотелось бы знать заранее природу этого сплава, и что внесут в него молодые.

— Ну, что ж, они должны пройти нелегкий путь познания себя и самих сформулировать проблемы, волнующие их поколение. Среди наших учеников есть люди, пробующие себя в режиссуре, держим на примете тех, кто пытается писать. Надеюсь, что среди них найдется и свой художник и даже свой администратор — мы попробуем не просто пофигонить группу актеров, но создать коллектива, представляющий поколение. Что зависит от нас, от меня? — любить их в искусство, передать им наши эстетические идеалы и пристрастия... в том числе и те, которые я не смог реализовать в «Современнике». Кроме того, мы должны защитить их от случайных влияний — морочу, лажу себе идеями, что мы сможем их только научить, но и воспитать их, помочь им понять, что они любят и ненавидят в жизни и в искусстве.

Тут я представил себе нынешних десятиклассников, порой весьма упорно отстаивающих свой эстетический и интеллектуальный суверенитет. Вспросил: а что будет, если воспитатель предложит воспитуемым пьесу и с огорчением убедится, что им она кажется примитивной и неинтересной? Табаков ответил: «Если я не смогу до-

казать, что это замечательная пьеса, значит, я несостоятелен как учитель и руководитель». — причем по тону было ясно, что он надеется оказаться состоятельным. Впрочем, объяснения такого рода можно отложить до будущих времен, пока ученики, ставшие актерами, не примутся сами писать свою часть программы рождающегося театра. Сейчас эту программу определяют учителя.

«Современник» за годы своей жизни не принимал и целых пластов драматургии. Гоголь, Достоевский, Толстой, Салтыков-Щедрин, Сухово-Кобылин, Булгаков и Шекспир, Мольер, Стриндберг. Стяли этих драматургов анализали еще полвека зренье нашего театра, особенно тот стиль, который я определяю как правдоподобие невероятного: снаки, «Менишба» — «сваржино невероятное событие...». Разумеется, эти имена не исчерпывают круг наших возможных авторов — без современного репертуара театр неммыслим, так что я выношу сюда и те пьесы, что еще не написаны: я, например... Розова. В поисках радости жизни можно было бы сейчас остановиться. Как ставить? Найти для него форму, отказать от системы ключей и отмычек, которыми мы сегодня нередко взламываем пьесу вместо того, чтобы ее бережно открыть. Полюбить в авторе не только то что нужно нам, но и то, что является самым важным для него. Живая жизнь человеческого духа сегодня, здесь, сейчас — это прекрасно, но с нее ведь надо начинать, а не кончать ею, она не цель, а средство, начало пути. Именно путь должен быть. У нас любят рассуждать о теме актера, но ведь у многих, даже прекрасных актеров, тема эта сводится к самоповторению, к канонизации пьес. Человек стоит, а делает вид, что идет.

Нужны профессионалы. Дилетантизм — самый страшный бич современного театра. Я имею в виду не умение двигаться, лезть, танцевать, но стабильность результатов и способность найти себя в самых разных стилистических системах, быть в любом стиле художественно убедительным и граждански состоятельным.

Проектируемый театр, в отличие от других молодежных, с самого начала должен включить в себя два актерских поколения, а на пути к гармонии «отцов» и «детей» нередко возникают препятствия. Табаков сказал, что надеется не повторять прошлых ошибок и найти оптимальное сочетание, так сказать, единства целей и многообразия средств и индивидуальностей, чтобы каждый чувствовал себя не подчиненным. Но участником общего дела и в то же время — частью единого организма.

А потом мы попытались все-таки определить формулу такого театра. Правда, формулы и декларации — вещь опасная, однако в данном случае театр начинается не столько с деклараций, сколько с конкретных художественных предложений, с круга актеров. И все же хотелось как-то обозначить направление. Ну, скажем так: театр крупных художественных задач. Выглядит это вроде бы слишком уж абстрактно, но Табаков с таким определением согласился, ибо при внимательном рассмотрении оно оказывается достаточно точным. В самом деле, сколько раз приходилось видеть спектакли, в которых на первый план выходила тема, актуальность, жанр, а собственно художественная задача театра оказывалась незначительной, неинтересной. Такие спектакли порой даже делают свое полезное дело, но уходят в небытие, как только теряют актуальность затроуутый в них вопрос. Поднять мысль или проблему на уровень высокого искусства — это и есть крупная художественная задача. Не молчишься, не довольствоваться смеком или аллоджментами, которыми зал встречает нечто глупо-забодневное, на другой день безвозвратно забываемое.

За всеми этими разговорами мы как-то не касались главного вопроса: а удастся ли создать этот театр? Ручательства, естественно, никто не даст, однако будем надеяться... Судьба «Современника» в первые его годы тоже была неустойчивой и нелегкой, так что опыт у Табакова есть. А кроме того... кинозрители начала 60-х годов, возможно, помнят сделанный А. Эфросом по розовской пьесе «В поисках радости» фильм «Шумный день». Табаков играл в нем Олега Самина, пылкого и искреннего пятнадцатилетнего мальчишку, а кульминацией действия был Момент, когда Олег хватал отцовскую саблю и яростно рубил дорогую полированную мебель, являя таким образом современное мешающее, проквашенное в его честную трудовую семью. Задним числом лам, конечно, ясно непорочность и, главным образом, недостаточная эффективность такого метода борьбы, однако ж в некоторые моменты нашего разговора Олег Табаков вспоминал именно этого давнего своего героя. Он, как говорится, хорошо сохранился и готов идти дальше — в поисках радости.

Ю. СМЕЛОВ.